
ФИЛОСОФИЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПРАВО

УДК 304.9

ВРАГИ ИМПЕРИИ. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА «РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ»

Ю.П. Ивонин, О.И. Ивонина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: ivonin@ngs.ru, ivonina@ngs.ru

В статье анализируется компаративистика самого влиятельного оппозиционного объединения русских интеллектуалов XIX в. – «русской социологической школы». Компаративистика включала диахронный и синхронный аспект: сравнение этапов развития отечественного и западноевропейского социального организма и сравнение базовых характеристик России и Западной Европы между собой. Показывается, что компаративистика основывалась на принципах радикального социализма и антиэтатизма, постепенно уступивших инициативу принципу либерализма.

Ключевые слова: позитивизм, этатизм, компаративистика, общественная эволюция.

ENEMIES OF THE EMPIRE. HISTORICAL COMPARATIVISTICS OF THE «RUSSIAN SOCIOLOGICAL SCHOOL»

Yu.P. Ivonin, O.I. Ivonina

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: ivonin@ngs.ru, ivonina@ngs.ru

The article analyzes the comparativistics of the most influential opposition union of Russian intellectuals of the 19th century – the «Russian sociological school». The comparativistics included diachronic and synchronous aspect: comparison of development stages of domestic and Western European social organism and comparison of basic characteristics between Russia and Western Europe. It is demonstrated that the comparativistics was based on principles of radical socialism and antietatism that gradually lost the initiative to principle of liberalism.

Key words: positivism, etatism, comparativistics, social evolution.

Процесс создания петровской Империи был фокусом размышлений русской общественной мысли и над итогами предшествующей эволюции страны, и в качестве прогнозов будущего развития России. Имперский период русской истории настолько диссонировал с эпохой Московского царства, что порождал множество вопросов о преемственности и разры-

вах в ходе отечественной истории. Империя имела свою историческую «цену», оправданность уплаты которой русским обществом была отнюдь не очевидна авторам русской идеи. У Империи были свои апологеты в лице А.С. Хомякова и основателей «государственной школы» – К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева. Они считали оправданными повседневные жертвы «маленького человека», принесенные на алтарь имперских проектов и достижений, считали внешнеполитические и культурные достижения и успехи Империи победами окрыленного духа над приземленной плотью.

У Империи были и свои критики на ниве историописания. Наиболее известный и развернутый памфлет на Империю принадлежал В.О. Ключевскому, в котором Г.Ф. Федотов увидел мстительную руку разночинца. Знаменитый русский историк смог опереться на мощную интеллектуальную традицию, откровенно враждебную как Империи, так и капиталистической модернизации. Защитником повседневности и критиком жестокой модернизации был русский позитивизм, имевший мало общего со своим европейским прототипом за исключением имиджа антиидеалистического мировоззрения. Русский позитивизм был синонимом либо левого радикализма (Н.К. Михайловский и П.А. Кропоткин), либо социалистического либерализма (Н.И. Кареев). Различие политических оттенков не помешало его представителям создать своеобразное научное сообщество, получившее у современников название «русской социологической школы». Свои усилия она сосредоточила на выявлении смысла человеческой свободы, а не державного величия в мировой и отечественной истории.

Спецификой мировоззрения Н.К. Михайловского (1842–1904 гг.), знаменитого публициста и главного редактора журналов «Общественные записки» и «Русское богатство» была защита целостности и многосторонности человеческой деятельности от разлагающего влияния на нее процесса профессионализации и специализации общественного труда. Как полагал русский ученый, мировая социальная эволюция носит регрессивный характер. Регрессивная ветвь эволюции получила у Н.К. Михайловского обозначение «органической»: человек превращался в подчиненный орган социального целого и уже не мог претендовать на самостоятельность и автономию. В основе органической эволюции лежит общественное (или, по другому, «сложное») разделение труда между индивидами, свойственное всем народам в процессе перехода от «простого» сотрудничества к «сложной кооперации» [7, т. 4, с. 698].

Н.К. Михайловский предложил идею, исключаящую высокую ценность для России модернизационных заимствований у Запада. Общефилософская идея альтернативных путей эволюции преобразуется им в представление о различии *типов и степеней* развития различных исторических сообществ. «Тип» развития характеризует различные ветви человеческой эволюции, а «ступень» развития определяется богатством вещной (ресурсной) базы общества. Тем самым неявным образом тип и ступень развития противопоставлялись автором как проявления разных форм социальной эволюции.

Автор отрицал выраженность социального совершенства в богатстве вещественной среды какого-либо сообщества. Он писал: «Порядок, при котором большинство населения живет заработной платою, и порядок, при котором это большинство состоит из самостоятельных хозяев, принад-

лежит не к различным степеням, а к различным типам развития. Поэтому здесь и сравнивать надо типы развития. Известный тип развития может быть выше другого и все-таки стоит на низшей ступени. Например, имея в виду степени экономического развития Англии и России, всякий должен будет отдать преимущество первой. Но это не помешает мне признать Англию низшим (в экономическом отношении) типом развития» [7, т. 3, с. 515]. При этом автор ссылаясь на славянофилов¹ как пионеров различения типа и степени развития [7, т. 3, с. 760].

По существу, более высокий тип развития совпадает с более ранним, исходным этапом другого типа – «органической» эволюции. Высокий тип развития ученый находит, конечно, в России. Н.К. Михайловский писал: «В нашей жизни есть задатки великого исторического будущего и великого счастья. Но это только задатки, представляющие случай неустойчивого равновесия и потому требующие оплодотворения сознательной идеей. Предоставленные на волю стихийных исторических сил в качестве "национальных особенностей", они съедят сами себя и разовьются в... европейские порядки» [7, т. 5, с. 127]. Этот более высокий тип развития виделся ученому и малоустойчивым, и слабоконкурентным по сравнению с европейским типом развития. Более высокая степень социальной эволюции в обозримом будущем будет демонстрировать антагонизм общественного и антропологического совершенства даже вне всякого деформирующего воздействия европейского опыта. Н.К. Михайловский прогнозировал: «если к тому времени, когда обобществление труда, в зависимости от технических усовершенствований промышленности, достигнет своего апогея, его представители окажутся "живыми трупами" с "остервенелыми" лицами, то понятно, что они ничем не подорожат в нашей цивилизации» [7, т. 7, с. 361]. Чем дальше, по мнению Н. Михайловского, Россия уйдет от типа органической эволюции и капиталистической вестернизации, тем надежнее будут перспективы ее будущего развития.

Вместе с тем концептуальное представление об идеальном обществе в очень большой степени зависит от характера межкультурного взаимодействия. Н.К. Михайловский отрицал ксенофобию и стремление к культурной герметичности [7, т. 7, с. 332], как, впрочем, и «интернационализм» [7, т. 3, с. 781]. По мнению автора, субъект идеального общества должен освоить опыт социальной эволюции Западной Европы. Изучение отрицательных результатов этой эволюции позволит сохранить пока еще присущий России тип развития. Антикапиталистическая альтернатива связана с этим интеллектуальным освоением чужого опыта: «европейские же порядки, полные всякого блеска и красоты, но и глубочайших страданий должны быть для нас, в смысле руководящих начал, только готовым, даровым резервуаром исторического опыта... Нам незачем проделывать весь скорбный и трудный опыт европейской истории, раз уж он там проделан и раз

¹ Отчетливо указанное различие выражено у младших славянофилов. Так, Н.Я. Данилевский (не позднее 1871 г.) отмечал, что «естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться» [1, с. 87].

сама европейская мысль, признав ошибки прошлого, додумалась до чего-то лучшего и высшего, чем наличные европейские порядки» [7, т. 5, с. 127].

Таким образом, идеологическая версия социального идеала содержала в себе два трудно согласуемых требования к социальной реальности – традиционного характера человеческих связей и вестернизации сознания. По-видимому, это было частным случаем проявления амбивалентного отношения авангардной контрэлиты к человеку «почвы», получившее название психологического комплекса «большого брата». Человек «почвы», носитель традиционализма, выступает для интеллигента одновременно и предметом поклонения, и объектом духовного попечительства, переходящего в политическую мобилизацию. Н.К. Михайловский писал: «Русский культурный человек, живя среди миллионной массы некультурного народа, невольно чувствует вокруг себя какие-то совершенные и широкие формы жизни, которые далеко превосходят всю его европейскую культуру». С другой стороны, Н.К. Михайловский не верил в устойчивость традиционного уклада жизни, в его способность к сопротивлению капиталистической эволюции, как не верил и в его способность к самостоятельному историческому творчеству. Спасение от капиталистической эволюции может прийти только от авангардной элиты, находящейся на высоте европейской образованности.

Доморощенные усилия Н.К. Михайловского по защите отечественной самобытности были созвучны трудам политэмигранта П.А. Кропоткина (1842–1921 гг.), который из своего европейского «далека» предложил дополнительный аргумент для критики общественной эволюции Запада и, соответственно, для усиления тезиса о ее случайном, обратимом и неустойчивом характере. Если для Н.К. Михайловского «органическая» эволюция была труднопреодолимым злым роком, принудительной социальной необходимостью, то П.А. Кропоткину она представлялась результатом государственного принуждения, т.е. искусственным процессом. Без государственного насилия общество бы не пошло по пути «сложного разделения труда». К такому выводу он пришел в результате опыта, полученного на службе в казачьем войске на Амуре, куда он пошел добровольцем после окончания Пажеского корпуса. П.А. Кропоткин принимал участие в уничтожении китайских бандформирований (хунхузов), действуя в составе того, что сейчас бы назвали «спецназом». Казаки действовали решительно, так как не ощущали повседневного контроля вышестоящего командования, чем ученый и объяснил эффективность их боевых операций. В казачьем войске П.А. Кропоткин «скоро понял, что в серьезных делах командованием и дисциплиной немногого достигнешь. Люди личного почина нужны везде; но раз толчок дан, дело, в особенности у нас в России, должно выполняться не на военный лад, а скорее мирским порядком, путем общего согласия». В мемуарах он подытожил свой амурский опыт: «в Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом» [5, с. 198].

Ученый обратился к истории средневековья, которая представлялась ему естественным, еще не деформированным путем развития ввиду слабого влияния античного наследия и массового распространения институтов взаимной социальной помощи – общин, коммун, гильдий и корпораций.

Средневековые показательны и реакцией индивида на социальную среду. Авторский взгляд на европейское средневековье выражен в книге «Общественная помощь как фактор эволюции», написанной в конце XIX в. и лишь на рубеже веков переведенной на русский язык.

П.А. Кропоткин не усматривал познавательной ценности в жестком историческом детерминизме. Человеческая история включает, по его мнению, линию прогрессивного развития, моменты консервации существующих институтов взаимопомощи и регрессивную линию развития, порожденную силой человеческого эгоизма. Ученый полагал, что институты взаимной помощи нуждаются в постоянном совершенствовании и если этого не происходит, то неизбежно восстание личности против устаревших социальных форм. П.А. Кропоткин отмечал: «Часть восставших стремилась к очищению старых учреждений от чуждых им элементов, или к выработке высших форм свободного общежития, основанных, опять-таки, на началах взаимной помощи». Однако была и иная реакция на общественный консерватизм: «...в то же самое время другая часть тех же личностей, восставших против откristаллизовавшегося строя, пыталась просто разрушить охранительные учреждения взаимной поддержки, с тем, чтобы на их место поставить свой собственный произвол, таким образом увеличить свои собственные богатства и усилить свою собственную власть» [4, с. 10–11].

Согласно П.А. Кропоткину, этими фундаментальными направлениями человеческой активности исчерпывается содержание общественного развития: «в этой тройственной борьбе – между двумя разрядами возмущившихся личностей и защитниками существующего – и состоит вся истинная трагедия истории» [4, с. 11].

Регрессивная линия развития связана с появлением и взаимной поддержкой частной собственности и государства. Для автора важно показать, что регресс относителен и может снова смениться поступательным развитием. В этой связи ученого привлекло средневековое общество, пришедшее на смену Римской империи. На ее бывшей территории первоначально была создана «деревенская община, основанная на понятии об общей территории. Этот новый строй, выросший естественным путем из предыдущего родового строя, позволил варварам пройти через самый смутный период истории, не разбившись на отдельные семьи, которые неизбежно погибли бы в борьбе за существование» [4, с. 125].

Средневековое общество представляется русскому автору совокупностью разнообразных самоорганизующихся образований, дающих человеку чувство защищенности. Такое общество поддерживало оптимальный баланс свободы и солидарности. П.А. Кропоткин писал, что европейцы выработали в средние века новую форму организации, которая допускала «большой простор для личной инициативы, и в то же время в значительной мере отвечала потребностям человека во взаимной поддержке» [4, с. 176]. Типичной единицей этого общества автор считал гильдии, профессиональные братства [4, с. 140].

Отношения внутри средневекового общества XI–XVI вв. П.А. Кропоткин называл *федеративными*, полагая, что исходная единица не растворялась в более крупном образовании. П.А. Кропоткин писал, что гильдия была такая же независимая единица федерации, какой была республика

Ури или Женева. Баланс свободы и солидарности проявился в федеративном типе отношений гильдий и общин. Федеративными образованиями были города. П.А. Кропоткин отмечал: «Везде города организовывались как двойная федерация небольших деревенских общин и гильдий» [4, с. 143].

Города выполняли те же функции взаимопомощи, что и гильдии. Город «...представлял попытку организации – в более широком размере, чем это было сделано в деревенской общине, – тесного союза для целей взаимной помощи и поддержки, для потребления и производства, и для общественной жизни вообще, – не налагая для этого на людей оковы государства» [4, с. 149].

Рост городов привел к коммунальной революции² в Европе. Она ограничила феодализацию политического устройства, создав ей действенную альтернативу – добровольной и взаимовыгодной связи. По словам русского автора, ни один период истории не служит лучшим подтверждением созидательных сил народа, чем «десятый и одиннадцатый век, когда укрепленные деревни и торговые местечки, представлявшие своего рода "оазисы в феодальном лесу", начали освобождаться от ярма феодалов и медленно вырабатывать будущую организацию города» [4, с. 135].

Коммунальный федерализм представлялся автору более значимым явлением средневекового общества, чем феодализм. Отношения взаимопомощи образовали содержание общественной жизни высокого средневековья. П.А. Кропоткин писал, что федерации между маленькими земскими единицами, а равно между людьми, объединенными общими целями в собственные гильдии, а также федерации между городами и группами городов составляли самую сущность жизни и мысли в течение всего этого периода. Федеративные отношения представлялись автору выражением сотрудничества и взаимопомощи: «первые пять веков второй декады нашей эры (XI-й по XVI-й) могут, таким образом, быть рассматриваемы, как колоссальная попытка обеспечить взаимную помощь и взаимную поддержку в крупных размерах, при помощи принципов федерации и ассоциации, проводимых через все проявления человеческой жизни и во всевозможных степенях» [4, с. 165]. Русский ученый полагал, что стремление городского средневекового общества к сотрудничеству и взаимопомощи приняло также форму религиозной реформации. П.А. Кропоткин писал, что в ходе Реформации народные массы сделали грандиозную попытку перестройки общества, сохраняя при том прежнюю основу взаимной помощи и поддержки. По его мысли, реформаторами двигало не одно только возмущение против злоупотреблений католической церкви: «Движение это выставило также и свой построительный идеал, и этим идеалом была – жизнь в свободных братских общинах».

П.А. Кропоткин доказывал, что поведение, ориентированное на солидарность индивидов, было эффективнее в большей степени, чем стремление к эгоистическому самоутверждению. Коммунальная революция достигла впечатляющих успехов в экономике и искусстве по сравнению со «стартовым» состоянием. Автор писал: «В начале одиннадцатого века го-

² П.А. Кропоткин признавал приоритет историков эпохи Реставрации в открытии этого явления и считал их идею городской революции недооцененной [6, с. 413].

рода Европы представляли еще маленькие кучи жалких хижин, ютившихся вокруг низеньких, неуклюжих церквей, строители которых едва умели вывести арку». Через триста пятьдесят лет «на обширных пространствах благосостояние заступило место прежней нищеты; выросло и распространилось образование. Выработался научный метод исследования, и положено было основание механики и физических наук» [4, с. 166].

Коммунальная революция была побеждена растущим государственным абсолютизмом, но ее последствия были благотворны, поскольку исключили некоторые неблагоприятные тенденции европейского развития. По словам П.А. Кропоткина, «средневековые города оказали громадную услугу европейской цивилизации. Они помешали Европе дойти до теократических и деспотических государств, которые создались в древности в Азии». Более того, связи взаимопомощи создали своеобразие Европы нового времени. Автор отмечал: «Они дали ей разнообразие жизненных проявлений, уверенность в себе, силу инициативы и ту огромную интеллектуальную и моральную энергию, которой она ныне обладает» [4, с. 170].

Опыт городских коммун лег в основу широкого обобщения, которому П.А. Кропоткин придал вид социального закона. Он писал, что периоды, когда институты, имевшие целью взаимную помощь, достигали своего высшего развития, «были также периодами величайшего прогресса в области искусств, промышленности, науки» [4, с. 228].

Разрушение институтов взаимопомощи связано с усилением государства, поскольку оно стимулирует индивидуализм и предполагает индивидуальную связь между собой и лицом. Для такого типа общественной связи какие-либо опосредующие звенья являются излишними. Ученый писал: «Поглощение всех общественных отправлений государством неизбежно благоприятствовало развитию необузданного узкого индивидуализма. По мере того, как обязанности граждан по отношению к государству умножались, граждане, очевидно, освобождались от обязанностей по отношению друг к другу» [4, с. 179].

Книга показывает общественную эволюцию как регрессивное развитие. Средневековое общество сменилось этатистским Новым временем. Общественная солидарность оказалась обратимым явлением и ушла в прошлое. Эмпирия эволюционного процесса не могла быть интерпретирована как рост солидарности. Солидарность, взаимная помощь – достояние ушедшей эпохи, лишь пассивно сопротивляющейся эгоизму и этатизму. Автор писал: «Хотя вот уже 300 или 400 лет совершается, и в теории, и в самой жизни, разрушение учреждений и обычаев взаимной помощи, – тем не менее сотни, миллионы людей продолжают жить при помощи этих учреждений» [4, с. 180].

Как беспристрастный ученый автор пытался отыскать и в буржуазных сообществах Нового времени примеры общественной солидарности и свободного объединения, но коммунистический доктринер в П.А. Кропоткине отказывался видеть в этатистской государственной организации форму кооперации, предпочитая усматривать в нововременном социуме проявления безудержной эксплуатации и патологического стремления к власти. Искусственный процесс общественного разделения труда превратился в объективный и устойчивый, а, значит, и исключивший иные альтернати-

вы общественного развития. На этом фоне надежды П.А. Кропоткина на какую-то сознательную альтернативу государственному и капиталистическому обществу в форме анархо-коммунистической революции остались необоснованной и сентиментальной утопией.

Влиятельным членом русской социологической школы был и другой политически нелояльный мыслитель, в числе прочих «перестройщиков» тогдашней России попавший в Государственную Думу и подписавший скандально знаменитое «Выборгское воззвание» – профессор Н.И. Кареев (1850–1931 гг.). В своих исторических трудах он использовал линейную схему общественной эволюции вместе с ее неизбежными следствиями – компаративистикой и идеей преемственности культур. Подобно многим русским историкам, он был противником идеи «эталонных сообществ». По его мнению, «совершенно нормальное историческое развитие вообще может быть только отвлеченной идеей нашего ума, отнюдь не реальностью, и в этом смысле античное развитие не было более нормальным, чем всякое другое. Каждый народ по-своему проходит фазисы культурно-социальной эволюции, и ни одно развитие в этом отношении не может быть названо более нормальным, нежели все остальные» [2, с. 62].

Динамичный «Запад»³ тоже не был в глазах ученого образцовым сообществом с точки зрения соответствия ценностей и мотивов действия европейских народов. Историк писал: «Если и можно называть европейскую цивилизацию христианской, то только по ее отношению к тому нравственному идеалу, который одушевлял и одушевлял лучших ее деятелей. Для европейской цивилизации христианство было и остается великим источником нравственного идеализма, когда только оно само под влиянием условий места, времени и среды не превращается в мертвую форму без живого содержания» [2, с. 323].

Историческая компаративистика автора основывалась на двойственности оценок исторических событий (что согласовывалось с кареевской «формулой прогресса»). В отношении всеобщего идеала исторический прогресс отдельных сообществ – бесконечно малая величина. Для самого же отдельного общества его прогресс может быть весьма значительным. Оценивая развития античного мира, Н.И. Кареев писал о сближении правового положения патриций и плебеев, граждан и провинциалов. Однако «Римская империя не осуществила принципа солидарности вполне, но, спрашивается, осуществило ли его во всем его объеме хотя бы одно из новых государств Европы? Не является ли осуществление этого принципа и теперь еще далеким идеалом будущего в мечтах лишь передовых людей нашего времени? Нужно брать вещи относительно, и, смотря на дело с этой точки зрения, мы обнаружим и в античном мире прогресс социальный» [2, с. 107].

Этот прогресс обнаруживается в свете ограниченного применения принципа солидарности. Прогресс в античности будет заметен, если отказаться от применения к ней всемирно-исторического масштаба и ограничиться сравнением ближайших ступеней развития: «социальный принцип

³ Общность «Запада» выводилась Н.И. Кареевым из устойчивого синтеза античного наследия, католицизма и германского феодализма [2, с. 136]. Вслед за С.М. Соловьевым он считал, что динамизм Запада связан с его расово-антропологической – «арийской» основой.

есть принцип солидарности, и понятное дело, что эта солидарность имела к концу античного мира гораздо большую сферу действия, чем в начале его истории: все жители обширной империи в качестве граждан единого государства были теперь так же политически солидарны между собой, как прежде могли быть солидарны только граждане одного города» [2, с. 107].

Такой же методологический подход был применен автором и к истории средневековой Европы. С одной стороны, в это время прервалась тенденция универсализации человеческого общения. По мысли Н.И. Кареева, «разобщение романо-германского, греко-славянского и мусульманского миров было, конечно, регрессом по отношению ко всему предыдущему ходу всемирной истории, совершавшемуся совсем в ином направлении, именно в смысле сближения и объединения» [2, с. 118]. С другой стороны, политический хаос средневековой Европы был прогрессом по сравнению с абсолютным этатизмом античности. По словам ученого, «в древности... личность поглощалась в государстве, а теперь одной стороной своего бытия человек уже не принадлежал всецело государству и не оставался по отношению к нему бесправным: в области религии светская власть утрачивает античный абсолютизм, а в феодальном быте была та хорошая сторона, что хоть некоторая часть общества имела известные права по отношению к государственной власти, нарушение которых даже разрывало связь между сюзереном и вассалом» [2, с. 173–174]. Именно в Средние века обнаруживается динамизм Запада, хотя «стартовые условия» его развития были неблагоприятными. Н.И. Кареев отмечал: «Главным руслом всемирной истории в средние века оказалось западноевропейское развитие, которое на первых порах было как раз самым суженным и самым обмелевшим». Последнее превратилось в *mainstream* «только в конце средних веков, когда Запад выходит из своего обособления и, отрешаясь от средневековых традиций, вступает на новый путь культурного развития», связанный с тем, что «в Западной Европе возобновляется к тому же времени давным-давно прерванная нить свободного развития в области жизни и в области мысли, причем передовые умы обращаются к изучению полупозабытой и даже сделавшейся совсем непонятной в средние века античной культуры, в которой они находят опору своим новым стремлениям» [2, с. 122].

Прогресс в развитии европейского общества стал устойчивым лишь в Новое время, когда рост числа критически мыслящих личностей реформировал социальную организацию на принципах либерализма и индивидуализма [2]. В отличие от П.А. Кропоткина, Н.И. Кареев не усматривал никакой общественной катастрофы в этатизме Возрождения и раннего Нового времени, поскольку развертывающийся потенциал европейского индивидуализма перекрывал деформирующее воздействие этатизма. Если в локальных политических изменениях (переходе от варварских королевств к феодальной и сословно-представительской монархии, а затем и к абсолютизму) и был какой-то незначительный прогресс, то развитие государственного быта в масштабе всемирной истории никакого прогресса не обнаруживало. Вся история человечества – включая античные и средневековые республики – демонстрирует принцип неограниченного суверенитета государства. Ученый отмечал: «безграничное всемогущество государства во всех проявлениях его власти над отдельными индивидуума-

ми развивалось в абсолютных монархиях, как древнего, так и нового мира, но и там, где государство принимало другие формы, и народ так или иначе принимал участие в делах правления, равным образом в силе был принцип неограниченности прав государства и ничтожности прав отдельной личности» [3, с. 4]. Государство признавало лишь права граждан в отношении друг друга, но совершенно не знало границ своей регулирующей деятельности. Естественная, органическая эволюция государств лишь совершенствовала формы государственного суверенитета над личностью. Выхода из этой гнетущей политической практики на путях общественной эволюции не было. Современный конституционализм, политические свободы и права личности не были результатом накопления общественных перемен. По Н.И. Карееву, они появились внезапно, разрушив естественную политическую эволюцию Европы. Автор писал: «замена абсолютной монархии конституционным государством совершилась главным образом путем революций, путем полного ниспровержения старого строя для воздвижения на его развалинах совершенно нового здания. Нет нужды, что в отдельных случаях не было насильственного переворота... революционное происхождение современного конституционного строя не подлежит сомнению» [3, с. 12–13]. Европейское государство утратило самое существенное, что отличало государство от иных общественных союзов – абсолютную власть над индивидом, поскольку «современное государство признает за личностью известные, ей, как таковой, присущие, прирожденные, а потому и неотъемлемые права» [3, с. 5].

В оценке русской истории Н.И. Кареев был «западником». Интеллектуальный потенциал Византии, воспринятый Россией, оказался менее плодотворным, чем католицизм и не выдержал конкуренции с наследием западного христианства. По словам ученого, «в Европе культурные традиции Византии заглохли и иссякли, и те народы, которые под ее культурным влиянием приобщились ко всемирно-исторической жизни, живут теперь и развиваются в тесном общении с западной цивилизацией, ... ей предстоит в будущем сделаться цивилизацией всемирной и общечеловеческой» [2, с. 123]. Россия была отнесена им к странам, развивающимся по общеевропейскому пути, но показала более скромную динамику, что позволило Н.И. Карееву говорить о русской «отсталости»: «Позднее других народов вступив на большую историческую дорогу и медленнее других по ней двигаясь, русские должны были, конечно, сильно отстать от своих западных соседей, и эта отсталость является одним из наиболее бросающихся в глаза общих фактов русской истории» [2].

Под влиянием Орды Россия подверглась ориентализации, и начавшаяся позднее европеизация страны была возвращением к ее изначальному типу развития, а вовсе не насильственным переворотом. Ученый отмечал: «Вместе с народами германскими и с другими славянами Русь вступила в историю как молодое государство одного с ними типа, развившегося из условий европейской жизни и культурных влияний Римской империи в обеих ее половинах, но вследствие разобщенности с остальной Европой и вследствие татарского ига Московское государство потребовало впоследствии европеизации, т. е. нового приобщения к европейскому миру. Оно и совершилось на рубеже XVII и XVIII веков» [2].

Европеизация России была для Н.И. Кареева не только основным результатом ее новейшей истории, но и ценностью, относительно которой можно говорить о прогрессе русской жизни. Свою книгу «Общий ход всемирной истории» автор закончил следующими словами: «...ход всемирной истории и внутреннее развитие самой России приводят к тому, что Россия не должна быть ни Византией, ни Азией, а должна быть Европой», к тому времени ставшей уже не этатистской, а либеральной.

Если обобщить базовые принципы основоположников русской социологической школы в сфере компаративистики, то таковыми следует признать пессимизм и противогосударственный революционаризм. Н.К. Михайловский и П.А. Кропоткин по-разному оценивали генезис капиталистического общества – системы «общественного разделения труда». Для первого автора он был естественным, стихийным и органическим процессом, для второго – искусственным и принудительным. Но оба согласились с тем, что капиталистическое общество стало устойчивым, самовоспроизводящимся, но не отказывающимся от государственного принуждения и эксплуатации. Оба искали альтернативу капитализму: Н.К. Михайловский – в русском аграрном коммунизме, а П.А. Кропоткин – в «другой» Европе, сообществе, выросшем из коммунальной революции. Ни один не увидел у этих альтернатив серьезных шансов на успех. Лишь внезапная коммунистическая революция европейски образованных интеллектуалов сможет законсервировать ускользающую почву общественной солидарности. Н.И. Кареев разделял представления Н.К. Михайловского и П.А. Кропоткина, что стихийная эволюция этатистски организованного общества не ведет к прогрессу. Более оптимистически настроенный Н.И. Кареев считал, что «другая» Европа уже победила и регрессивная тенденция прервана. Личность отвоевала права у государства и ограничила сферу его господства, причем сделала это революционным путем. Этатизм был насильственно побежден. Институт народного представительства вместе с институтом прав человека открыли впечатляющую перспективу социальных реформ. России следует как можно быстрее приобщиться к этой перспективе. Таким образом, либеральная идея у Н.И. Кареева стала результатом соединения пессимизма и революционаризма.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
2. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории: очерки главнейших исторических эпох. Заокский: Изд-во «Источник жизни», 1993. 304 с.
3. Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 496 с.
4. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков: Тип. В.Г. Шеншелевича, 1919. 353 с.
5. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 528 с.
6. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. Хлеб и воля. М.: Правда, 1990. Серия «Из истории отечественной философской мысли». 640 с.
7. Михайловский Н.К. Сочинения. СПб.: Русское Богатство, 1896–1900.

Bibliography

1. *Danilevskij N.Ja.* Rossiya i Evropa. M.: Kniga, 1991. 574 p.
2. *Kareev N.I.* Obshhij hod vsemirnoj istorii: ocherki glavnejshih istoricheskikh jepoh. Zaokskij: Izd-vo «Istochnik zhizni», 1993. 304 p.
3. *Kareev N.I.* Proishozhdenie sovremennogo narodno-pravovogo gosudarstva. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1908. 496 p.
4. *Kropotkin P.A.* Vzaimnaja pomoshh' kak faktor jevoljucii. Har'kov: Tip. V.G. Shenshelevicha, 1919. 353 p.
5. *Kropotkin P.A.* Zapiski revoljucionera. M.: Mysl', 1990. 528 p.
6. *Kropotkin P.A.* Sovremennaja nauka i anarhija. Hleb i volja. M.: Pravda, 1990. Serija «Iz istorii otechestvennoj filosofskoj mysli». 640 p.
7. *Mihajlovskij N.K.* Sochinenija. SPb.: Russkoe Bogatstvo, 1896–1900.